

Гореликова

В конечном счете

сборник рассказов

Гореликова
В конечном счете.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22143669

ISBN 9785448347559

Аннотация

В конечном счете мы можем оценить значение своей жизни только её ценностью для других. Из к/ф «Жизнь Дэвида Гейла» (The Life of David Gale)

Содержание

Бегство мистера Макеева	5
Не остаться в этой траве	52
Конец ознакомительного фрагмента.	66

В конечном счете Сборник рассказов Гореликова

© Гореликова, 2016

ISBN 978-5-4483-4755-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бегство мистера Макеева

Пятидесятитрехлетнему Макееву приснился подростковый сон. Будто бы он летал. Нет, скорее, плавал в синеве. И белыми были не облака, а мельчайший песок, который струился вдоль тела. Почему песок?

Макеев напрягся.

«Нет, не помню, – с жалостью подумал он, откидывая одеяло, – ни черта не помню».

Макеев спустился в ярко освещенную кухню, где жена, облаченная в костюм от Армани, жарила тосты.

– Ты похож на сову, выпавшую из дупла, – сообщила она, не оборачиваясь.

– Тогда уж на филина.

– Для филина ты, Макеев, мелковат. Тосты будешь?

– Буду. А ты что так рано и при параде?

– Забыл? – Жена с негодованием обернулась. – Нет, Макеев, ты правда забыл?

Разделяя ее возмущение, из тостера вылетел золотистый кусок хлеба и шлепнулся на мраморную столешницу.

– А, вернисаж... Не забыл, конечно, – Макеев подобрал тост и надкусил. – Значит, ты сегодня с концами?

– Да, – самодовольно сказала жена, – сегодня насыщенный день. Сначала встреча делегации, потом обсуждение программы, потом обед, потом открытие. Ну, и сам понимаешь,

речи и коктейли.

– Если напьешься, за руль не садись.

– Сдурел совсем? Когда я пила?

Это была правда. Жена ревностно относилась к своему здоровью. Фитнес, пилатес, йога и хрен знает что еще. Вот и сейчас проглотила очередную чудодейственную таблетку и запила свежавыжатым морковным соком.

На лестнице появился Исфандияр-ака. Бесшумно спустился. По дороге дотронулся до блестящей части кофемашины, значительно прищелкнул языком и утвердился на своем обычном месте, около посудомойки.

Макеев вяло жевал тост и рассматривал стройную спину жены. С некоторых пор он стал задаваться вопросом: есть ли у нее любовники? Интерес был начисто лишен ревности, и являлся, как полагал сам Макеев, чисто академическим. А что, весьма привлекательная зрелая женщина. Почему бы и нет?

– Макеев, я пошла.

Жена сунула чашку в посудомойку, Исфандияр-ака степенно посторонился.

– Если встретишь Наталью Петровну, скажи, что сегодня привезут шторы из чистки. Впрочем, – добавила она, скептически оглядывая расплывшуюся фигуру мужа, – ты все равно забудешь.

Макеев состроил гримасу, означавшую «все может быть» и налил еще кофе.

Через полчаса Макеев был готов – чисто выбрит, обряжен в костюм, купленный в Милане, и туфли, купленные в Лондоне. Под мышкой он держал кожаный портфель с бронзовыми застежками.

Сел в машину, глянул в зеркало. Исфандияр-ака восседал на заднем сиденье и невозмутимо смотрел вперед.

– Ну, Хоттабыч, поехали, – сказал Макеев, поворачивая ключ зажигания.

На повороте Макеев притормозил около знакомого шалмана, где его уже ждали. На обочине топтался смуглый парнишка, не то узбек, не то таджик. Макеев обменял купюру на замасленный пакет, от которого валил пар, и передал пакет Исфандияру. Процедура напоминала дозаправку самолета в воздухе, настолько слаженно действовали все участники.

Машина покатила по Новой Риге. В зеркале заднего вида Макеев увидел привычную картину. Старик с длинной серебристой бородой сжимал лепешку ладонями и жадно втягивал ноздрами горячий хлебный дух.

В который раз Макеев пообещал себе проследить, что же произойдет с лепешкой. С тем, что Исфандияр-ака является галлюцинацией, он давно смирился, но куда девается лепешка? Ни разу он не находил в салоне не только ее саму, но и крошек.

Галлюцинация съела материальный предмет? Чушь ка-

кая...

Или приходится признать, что все, что его окружает, тоже галлюцинации. И дом в три этажа, и жена, и вот этот мерс, и тандырная на повороте, и он сам.

И как будто в пандан его мыслям ветер вздул крупитчатый снег, завертел, скрывая лес по обоим сторонам шоссе, бросил горсть на лобовое стекло.

Не-ет, не галлюцинация, врешь! Немецкие откалиброванные дворники дисциплинированно замахали, стирая с безупречно прозрачного стекла снежное российское недоразумение.

Омыватели, подогреватели, климат-контроль, вкусный кожаный запах.

Кстати о запахе. Исфандияр-ака сидел, мирно сложив руки на коленях. Лепешки не было. Вот блин, незадача! Ну ладно, завтра-то он точно проследит.

При въезде на парковку бизнес-центра старик вдруг неожиданно подал голос.

– Сегодня у тебя будет трудный день, Макеев-ака.

– Знаю, – буркнул Макеев.

Пророчество не произвело на него никакого впечатления. Кому же как не галлюцинации, порожденной сознанием, знать, что планирует это самое сознание.

А вообще, Макеев уже привык. Ко многому привык.

Например, к почтению, с которым его приветствовали

подчиненные, а также прочие парковщики, охранники и администраторы на ресепшене. Если когда-то, в самом начале пути, Макеева задевала легкомысленность секретарш, которые вместо того, чтобы пожирать глазами исполнительного директора, украдкой косились в монитор с открытой страницей «ВКонтакте», то теперь ему было абсолютно все равно. Можно сказать, вообще по барабану.

Рабочая круговерть тоже не затягивала, как раньше.

Макеев научился спускаться в глубины аппаратных интриг отстраненно и бесстрастно, как Жак-Ив Кусто в своем батискафе. Мимо иллюминатора проносились потоки испуганного планктона и мелкой рыбешки, изредка заглядывала оскаленная пасть крупного хищника, но в принципе, все это проходило где-то там. Не здесь. Здесь Макеев был надежно защищен двенадцатисантиметровыми стенками из бронированной стали.

Когда он научился их возводить?

Точная дата терялась во времени, но вероятно, тогда же в его жизни и появился Исфандияр-ака, немногословный, бородатый, с лицом цвета глины и морщинами, глубокими, как трещины на дне иссохшего арыка.

Почему именно такой тип стал его навязчивым состоянием, Макеев не знал. В последнее время он часто ловил себя на мысли, что не только многого не знает, но даже и не хочет знать.

С Козихиным Макеев встретился в районе трех.

Сотрудникам корпорации генеральный внушал трепет, а для Макеева он по-прежнему оставался одноклассником Толькой, который кланялся конспекты по истмату, и однажды, в самый разгар антиалкогольной компании, выронил из ослабевших рук чудом добытую у таксистов бутылку водки, за что был слегка бит.

Любопытный факт – Исфандияр-ака никогда не переступал порога директорского кабинета. Оставался ждать в приемной, где стараниями референта Козихина, женщины изысканного вкуса, был сооружен небольшой зимний сад.

Исфандияр-ака углублялся в рододендровые заросли и оттуда любовался струями фонтана, которые, меланхолично журча, стекали в мраморный бассейн.

Эх, как же Макеев мечтал присоединиться к нему. Отключиться от всякой дряни и бездумно смотреть на текущую воду...

– Ну все, старичок, контракт у нас в руках.

Козихин ловко пустил по лакированному столу бумаги, и договор спланировал прямо в руки Макееву.

– «Ремлифт» утвердил сумму двести восемьдесят миллионов.

Макеев глянул. Действительно, двести восемьдесят миллионов как с куста.

– Через «Амбреллу» пускаем?

– Да, – подтвердил Козихин, – через «Амбреллу» и потом через «Руф».

– Не стремно?

– Старичок, двести восемьдесят миллионов рублей – это не та сумма, из-за которой поднимают кипиш. Хотя я подстраховался, сегодня занесут куда надо. Тылы будут прикрыты.

Макеев кивнул и отодвинул договор.

– Ну и отлично.

– Слушай, брат, а что ты такой квелый в последнее время? – спросил Козихин. – Сердце? Или, – он плутовски подмигнул, – не дай бог, что пониже?

– Да здоров я.

– Ой, не верю! Иди сюда, – Козихин силой развернул Макеева лицом к свету. – Глянь на себя! Люди еще не шарахаются? Нет, надо решительно. Я устрою обследование, доктора первый класс, не переживай. Все найдут и отрежут все, чем дорожишь, – и генеральный жизнерадостно заржал.

Макеев вяло улыбнулся, давая понять, что шутку оценил.

– А еще лучше – заведи себе молодую любовницу. Знаешь, когда рядом симпатичная фемина, лет так двадцати, вся такая тугая и упругая, это бодрит. Не дает распускаться, – и Козихин самодовольно пригладил модно подстриженные волосы. – Я серьезно говорю. Ты подумай.

Макеев послушно подумал.

Мысль о том, что рядом с ним, кроме Исфандияра, будет постоянно маячить упругая фемина, вызвала сосущую тоску. Видимо, эмоции отразились на лице, потому что Кози-

хин с досадой воскликнул:

– Ну ты прям, как импотент, ей богу! Молодой же еще мужик! Мы с тобой ровесники. И сравни! – Козихин приосанился и поднял подбородок.

– Да нет, Толь, я не импотент. У меня просто депрессия. Как-то все надоело. Разом. Может, я надорвался?

– Отмазка не засчитана, – в голосе генерального появилась твердость. – Депрессия – это твое личное дело. Лечись. Пей таблетки, их вон сейчас сколько развелось. И чтоб на работе это не отражалось. Сам знаешь, мы в одной лодке.

Макеев согласно кивнул. Они действительно были в одной лодке. Даже в подлодке. Деваться некуда. Тем более, что Толька почувствовал вкус к жизни и спешно добирал то, о чем мечталось в пору голодной юности.

Самому же Макееву вполне было достаточно домика в Испании и квартиры в Вене, где жила дочь. Возня с офшорами угнетала в той же степени, как и пугала. С недавних пор Макееву стало казаться, что он сидит на льдине среди бурного кипятка. Вместе с Козихиным. Только тот рьяно гребет, а Макеев глядит под ноги и наблюдает, как быстро истончатся их прибежище.

Макеев отчаянно затосковал по Исфандияр-ака, по его полосатому халату, из швов которого местами пробивалась хлопковая вата.

Голос Козихина вернул Макеева в реальность.

– Иван, у меня к тебе поручение. Я тебя очень прошу, –

Толя выделил тоном «очень» – съездить в Шереметьево и передать одному человеку вот эту папку.

В Шереметьево? При такой погоде? Макеев поежился.

– Что за человек?

– Шахревич.

Макеев все понял. Ехать тем более не захотелось.

– А водителя послать нельзя?

– С ума сошел? Какому-то водителю отдавать такие документы?! Нет, ты правда болен.

– Хорошо, поеду. Когда надо?

– Да прям сейчас поезжай. У него рейс во Фриско с девятнадцать с чем-то. Я позвоню, что ты будешь. Шахревич тебе доверяет.

– Ну, слава богу, прям камень с души.

– Вот! – Козихин хлопнул друга по плечу. – Вот теперь я вижу Ваньку Макеева! А то ходишь, как тень отца Гамлета, смотреть противно.

Дорога в аэропорт сложилась на удивление удачно. Макеев уже забыл, когда он столько ехал без пробок.

Снаружи вдоль шоссе клубилась колючая февральская поземка, внутри салона работала печка и тихонько мурлыкало радио. Макеева потянуло на разговоры.

– Нет, Исфандияр-ака, я не против, чтобы ты был все время со мной. Ты мне даже нравишься. Но я решительно не понимаю, почему ты ко мне прицепился. Ну, ладно, ты прице-

пился потому, что у меня с головой непорядок. Допустим. Я читал, депрессии сопровождаются небольшими ослаблениями когнитивных функций. Пусть так. Но почему именно ты? Вот такой вот, в халате и с бородой? Ты кто, узбек? Таджик? Может, ты вообще моджахед?

Макеев глянул в зеркало. Исфандияр-ака безучастно смотрел в окно.

– Ну, хорошо, извини, если обидел. Ты не моджахед. Но почему мое расстроенное сознание, или подсознание, хрен его знает, породило именно тебя? Я с вашими сроду дела не имел. В Афгане не воевал, в Средней Азии не был... Слушай, а может, ты араб? Я, помнится, лет восемь назад ездил в Эмираты. Там мы с тобой пересечься не могли?

С заднего сидения не доносилось ни звука.

– Я бы понял, если бы я что-нибудь ужасное совершил, и ты бы служил напоминанием... Я одну книгу читал, кстати, интересную... Там мужику все время являлась вьетнамская старуха. Но там все понятно было: этот мужик ее убил на вьетнамской войне. Она – вроде как неотомщенная жертва. А ты кто?

Молчание.

– Нет, ты не молчи, я же должен понять. Ты за мной уже который месяц таскаешься. Вроде ничего не просишь, не упрекаешь... Но не зря же ты таскаешься? Ты, вообще, живой? Или дух?

– Я – твоя фантазия, – наконец ответил старик.

– Тоже мне, открыл Америку! Я и так знаю, что ты моя фантазия. Но почему моя фантазия – это ты?

– Иншалла! – Исфандияр-ака поднял руки и коснулся лба. – Так захотел аллах.

– Тьфу! – Макеев разозлился. – Вот и говори со своим подсознанием!

С досадой он крутанул ручку радио. Салон заполнил низкий женский голос, чувственно выпевавший:

*– Llegue a este lugar donde muere el viento
A tocar la brisa y a oír el silencio.*

Музыка вернула Макеева в расслабленное состояние, и подъезжая к Шереметьево, он подпевал:

*– No eres mi puerto.
Tu no eres mi puerto...*

Шахревич встретил Макеева с раздражением.

– Что так долго? Уже посадку объявили. Документы привезли?

И добавил, принимая папку:

– Вы, русские, слишком безалаберны. Так бизнес не делается.

В другое время Макеев, услышав подобное от человека, родившегося в Мукачеве, в десять лет увезенного родителями в Харьков, а оттуда в тридцать лет женой в Израиль, оскорбился. Однако с некоторых пор он стал замечать, что присутствие Исфандияр-ака делало его нечувствительным к подобным вещам.

Он дружелюбно потрепал Шахревича по плечу.

– I wish you a pleasant flight.

Шахревич с негодованием оглядел рукав своего светлого кашемирового пальто, буркнул:

– What the hell, – и скрылся в толпе.

Макеев взглянул на старика, равнодушно озиравшего аэропортовскую суету.

– Давай, Хоттабыч, выпьем, что ли? – предложил он, кивая на ближайшее кафе. – Только вряд ли они подают твои лепешки.

Макеев заказал чайник зеленого чая и в ожидании облокотился на хлипкий столик, стал рассматривать публику. Было жарковато, Макеев расстегнул пиджак. Перемещение толп, обрывки случайных бесед, мелодичный перезвон, предваряющий объявление очередного прилета-вылета, ввели Макеева в транс. Или он, перегревшись, задремал с открытыми глазами. Погрузился в сон, как в горячую воду.

Неожиданно в поле зрения попало ярко-красное пятно. Сквозь воду Макеев потянулся к нему.

Кажется, вставая, опрокинул столик, но это было неважно. Нельзя было упустить спасительный маяк, который неожиданно раздвоился и стал похожим на чудовищно-красные глаза во мраке.

Макеев шел за красным, точно крыса за гаммельнским флейтистом. Был совершенно беспомощен и безволен, и неизвестно, чем бы все закончилось, если бы под ногу

не попалась ступенька.

Макеев споткнулся и пришел в сознание.

Красные пятна оказались всего лишь форменными юбками, плотно обтягивающими задницы двух стюардесс. Те негодуяще оглядывались, возмущенно трещали по-французски и, судя по всему, Макеев был всего лишь в шаге от предъявления иска по обвинению в харассменте.

Не вполне очухавшийся Макеев криво улыбнулся, надеясь, что улыбка послужит извинением. Стюардессы затрещали еще громче, и Макеев, спасаясь, ткнулся в ближайшую дверь.

Он оказался в небольшом офисе, увенчанного знакомым логотипом – «Аэрофлот».

– Чем могу быть полезна? – спросила блондиночка, сидевшая за стойкой. Внешность у нее была точь-в-точь, как у той упругой фемины, о которой рассуждал Козихин.

– Я... э-э... Я хотел бы купить билет.

– Превосходно! Куда?

Макеев обвел глазами офис. Из обилия рекламных плакатов взгляд выделил один, нежно-голубой с желтым. Безмятежная гладь океана, неизбежная пальма и тончайший белый песок, такой же, как в его сне.

– Вот сюда, – Макеев ткнул пальцем в плакат.

– Это Куба, – сказала блондиночка, тщательно пряча настороженность, вызванную непонятным посетителем.

– Отлично! – с энтузиазмом воскликнул Макеев. – Давай-

те до Гаваны.

Блондиночка занесла наманикюренные пальчики над клавиатурой и, все еще колеблясь, сказала:

– Двенадцать часов лету.

– Вот и славно! – Энтузиазм Макеева продолжал бурлить. – Наконец-то выплусь.

– Желаемую дату, пожалуйста.

– На ближайший рейс.

Глаза блондинки округлились, она оглянулась, выискивая охрану.

– Да вы не волнуйтесь, девушка, – успокоил Макеев. – Я не псих. Просто очень устал и хочу отдохнуть. Деньги есть, – он выложил на стойку пачку пластиковых карт.

Вид верхней, платиновой «Визы» с аэрофлотовским логотипом, подействовал на блондинку успокаивающе. Пальчики с парой скромных колец забегали по клавиатуре.

– Да, билеты есть. Рейс сегодня, в 22.30, прилет в 15.25 по местному времени. Аэропорт Хосе Марти.

– Устраивает. Один билет, пожалуйста. Бизнес-класс.

– Стоимость двести тысяч семьсот тридцать девять рублей.

– И это устраивает, – весело откликнулся Макеев. Мысль о том, что уже завтра он воочию увидит белый песок, привела его в телячий восторг.

Блондинка облегченно перевела дух только, когда терминал высветил: «Покупка совершена, извлеките карту». Рас-

печатала билет и уже совсем другим тоном предложила:

– Давайте я вас и зарегистрирую заодно.

– Будьте так любезны, – согласился Макеев и был награжден долгим томным взглядом.

Поскольку его и фемину разделял надежный барьер из пластика под дерево, Макеев позволил себе подмигнуть. Блондинка зарделась.

Далее по сценарию требовалось выяснить имя прелестницы и посулить авансы, но искомая регистрация была уже готова, и Макеев пренебрег обычаями.

Закрывая за собой дверь, Макеев услышал разочарованный вздох.

– Лечу на Кубу! – Макеев помахал распечаткой перед носом Исфандияр-ака. – На тебя билета не брал, извини. Если хочешь, проникай в самолет при помощи своих подсознательных штучек. Короче, бывай, если больше не увидимся. Я на паспортный контроль.

Контроль Макеев проходил в одиночестве. Металлоискатель тоже. И в зале вылета сколь он ни крутил головой, нигде не видел потрепанного полосатого халата.

«Неужели я выздоровел?» Макеев не понимал, радоваться ли ему неожиданно приобретенной свободе или же пугаться столь же внезапному одиночеству. Ничего не решив, он на всякий случай купил в «Дьюти-фри» бутылку «Чиваса».

У гейта, подавая посадочный талон еще одной упругой

фемине, на этот раз брюнетке, он вдруг ужаснулся.

«Как же я буду – один?» – пронзила горькая мысль.

Фемина ослепительно улыбнулась, отдала корешок посадочного и жестом указала на выход.

Спотыкаясь, Макеев потрусил по рукаву.

«Один... на Кубу... без багажа... жене не сказал... Козихина не предупредил... машину бросил...». Мысли скакали, как зайцы.

Макеев был готов повернуть, и повернул бы, если не поток пассажиров. Не сумев пройти против течения, Макеев был буквально внесен в аэробус.

И о чудо! Через проход от его места, невозмутимо восседал Исфандияр-ака. Большого облегчения Макеев в жизни не испытывал.

– Добрался все-таки! – с глупой улыбкой воскликнул он.

– Рановато радуетесь, – сказал сосед Макеева. – До самолета мы добрались, а до Гаваны еще двенадцать часов. Сдохнуть можно.

– Часто летаете? – спросил Макеев, оглядывая собеседника.

Молодой мордатый парень в яркой гавайке и бермудах. И когда только успел переодеться? Макееву стало неудобно за свой темный костюм. Как похоронных дел мастер.

– Уже пятый раз.

– Бизнес? – понимающе спросил Макеев, устраиваясь в кресле.

– Шутите? Какой бизнес может быть с кубинцами? Раздолбай на раздолбае! Там можно только отдыхать. А вы впервые на остров свободы?

– Остров свободы, – усмехнулся Макеев. – Все небось и забыли, о чем это.

– Про барбудос и малахольного Фиделя точно забыли. А свобода осталась. Для холостяка, – сосед подмигнул. – Девушки, ром, сигары. Меня, кстати, Сева зовут.

– Иван.

– Очень приятно. Значит, впервые на Кубу... Даже завидую. Все открытия впереди. Куба – это ж целая философия! Кубинцы говорят: «Веселись, а проблемы подождут. В конце концов, не мы же должны искать их, а они нас».

– Неплохо сказано, – заметил Макеев.

– А то! У них любимое слово – «маньяна». Если переводить дословно, то это «завтра». Но на самом деле, это состояние души, кубинский пофигизм. А вы говорите: бизнес!

Макеев задумался. Потом сказал:

– Если все так, как вы рассказываете, то я завидую. Сам-то я, как белка в колесе, семь дней в неделю, по восемнадцать часов в сутки. Как говорится, ни петь, ни рисовать, одна работа, будь она неладна. А у этих выходит, легкость бытия необыкновенная?

– Легкость – это точно. Нищая страна. Готовьтесь обзреть все прелести социализма. Вплоть до отсутствия туалетной бумаги. У вас, кстати, много багажа?

– Совсем мало, – честно ответил Макеев. – А что?

– В аэропорту вещи прут нещадно. В прошлый раз я чемодан на замок закрыл, скотчем обмотал, так они, суки, пленку содрали. Замок открыть не смогли, просто вспороли чемодан и вытащили вещи. Теплые оставили, а летние все тютю. И футболки, и шорты, и кроссовки. Не говоря уже об очках, бритвах и прочей дребедени. Нищие, потому и воруют. Зарплата тридцать баксов, да и те в местных песо, за которые ничего не купишь. Короче, легкость бытия, как вы выразились. Вообще, я думаю, это от того, что кубинцы – потомки рабов. Ну, которых плантаторы из Африки привозили. Наломались в свое время на хозяев, вот и получили идиосинкразию на всякий труд.

Макеев хмыкнул.

– Вы случайно не врач?

– Врач, – согласился Сева. – А как вы догадались?

– По слову «идиосинкразия», в основном.

– Я стоматолог.

Макеев непроизвольно схватился за челюсть.

– Ой, не надо про зубы. Давайте лучше про политику.

– Да про политику надо настроение иметь...

– Намек понял, – сказал Макеев, доставая из портфеля «Чивас». – Давайте по чуть-чуть. Для настроения.

– По чуть-чуть не имеет смысла, – ухмыльнулся Сева. – На Кубу нельзя ввозить спиртное, даже пиво. Все, что не допьем, в аэропорту отберут.

– Ну, тогда подойдем к делу серьезно.

И они подошли.

Алкоголь теплой волной разливался по телу, беседа катилась, как санки с горы. Обсудив политическое положение, перешли к чисто мужским темам.

– Кубинки делятся на три сорта, – вещал Сева, – бланко, мулато и негро. Если будете знакомиться с негрито, сделайте вид, что считаете ее мулато. Для них это гораздо престижней.

– Что же в них такого необыкновенного?

– Ха! Вы посмотрите, как они танцуют сальсу! Да ни одна европейка не сможет так крутить нижним бюстом. Нет, это даже не обсуждается. Старик Хэм знал, где жить. Кстати, в Гаване обязательно попробуйте дайкири по его рецепту. Май моджито эн Бидеджито, май дайкери эн Флоридита, – старательно выговорил Сева. – Угадайте, как по-испански «работа»?

– Эль трабахо, – улыбнулся Макеев.

– Знаете испанский? – с завистью спросил Сева. – Ну тогда у вас точно все будет в шоколаде. И запомните: пока вы на Кубе, никакого трабахо. Трабахо но!

– Трабахо но! – согласился Макеев, и они в который раз чокнулись пластиковыми стаканчиками.

Неожиданно Сева икнул.

– Кажется, мне достаточно, – проговорил он томным голосом. – Я спать.

– Я, пожалуй, тоже. Только прогуляюсь немного.

Макеев встал и, качаясь, пошел по проходу. Туалет бизнес-класса он не заметил и пошел в эконом.

Почти все пассажиры спали. Приглушенный зеленоватый свет придавал салону ирреальность, и затуманенный «Чивасом» мозг родил восхитительно-поэтическую, как показалось Макееву, фразу: «Небесная колесница несет нас навстречу счастью».

«Блин! Жаль, что я не умею писать стихи!» На этой мысли Макеева как следует встряхнуло, и он врезался в подлокотник кресла. Сидящая женщина даже не шевельнулась, но Макеев все равно пробормотал:

– П-пардон, – и двинулся дальше.

Возвращаясь, он впервые за время полета вспомнил про Исфандияр-ака. Прямой, как палка, старик сидел на прежнем месте и с любопытством изучал коробку с едой, поставленную перед ним стюардессой.

«Ему дали обед? – удивился Макеев. – Значит, его видно?»

Однако додумать столь важную мысль не сумел. Ноги подкосились, и Макеев рухнул в кресло. Сон упал, как ловчая сеть, накрыл пеленой, черной, как океан, над которыми они летели.

Макеев проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Это был Сева.

– Просыпайтесь, уже снижаемся.

Макеев, кряхтя, распрямился, подергал руками. Давненько он так не напивался.

– Минералочки? – Сева подсунул бутылку. – Сейчас объявили: в Гаване плюс тридцать три.

– Ужас какой, – вырвалось у Макеева.

– Нормалек! – бодро сказал Сева. – Теперь слушайте меня. Деньги сразу меняйте в аэропорту, там не обманут. Сто куков – это очень много, имейте в виду. Такси до Гаваны стоит двадцать пять. Вас как алемана будут постоянно разводить на деньги, держите ухо востро.

– Спасибо. А что значит «алеман»?

– Алеман – это европеец. Лох, набитый деньгами.

– Понял. Не буду лохом.

– Вы куда из аэропорта?

– Еще не знаю.

– Поезжайте на Варадеро, сказочное место. А если хочется чего-то совсем необычного, то на Кайо Ларго. Это остров такой, километров сто от Кубы, архипелаг Канарреос.

– Волшебные названия.

– А то! Считайте, вы уже в сказке. Только помните: трабахо но!

– Си, сеньор, – согласился Макеев, – трабахо но.

Аэропорт Хосе Марти оказался довольно средненьким, Макеев видал и получше. Удивило, что везде можно было курить, и дым от сигар стоял конкретный.

В зале ожидания, кстати, единственном, Исфандияр-ака с любопытством пощупал металлическую пепельницу, привинченную к креслу. Макеев давно заметил, что старика, как сороку, влекло все блестящее.

Самого Макеева облепили таксисты. Молодые и старые, смуглые и угольно-черные, они были готовы везти, куда угодно, хоть на край света. В гаме голосов Макеев уловил знакомые названия: Гавана и Варадеро.

– Но, сеньоры, – решительно сказал он, – у меня еще много дел.

Обрадовавшись, что турист говорит по-испански, таксисты загалдели еще громче. С трудом вырвавшись из кольца, Макеев отправился на поиски обменника.

Когда Макеев распахивал по карманам пестрые бумажки, его бесцеремонно подергали за рукав. Он оглянулся и увидел молодого парня. Если теория Севы была применима к мужчинам, то парень относился к мулато.

– Мистер жарко? – на ломаном английском спросил он. – Мистер хочет вода?

– Да, чико, – по-испански сказал Макеев, – хочу воды. Еще хочу купить летнюю одежду. Знаешь, где это можно сделать?

– Конечно, знаю! Я провожу.

Через зал ожидания парень вел Макеева, держа за полу пиджака, видимо, боялся, что добычу перебьют более шустрые собраты.

Макеев не возражал. Несмотря на адову жару, на то, что

он спал всего несколько часов, сидя и пьяный, Макеев чувствовал себя бодрым, как никогда. Как пятнадцать лет скинул. Вот что значит отвязаться от Козихина и его полу-уголовных штук. Принцип «трабахо но!» начал действовать.

Когда вышли на улицу, Макееву показалось, что он угодил в духовку. Чертыхаясь, стянул пиджак – парень в это время держался за его брючину – и порадовался, что утром надел демисезонные туфли, а не зимние, на меху, ботинки.

Потом они довольно долго шли вдоль забора, обходя здание аэропорта, и наконец остановились около металлического контейнера, с каких в девяностые в Москве торговали на вещевых рынках.

Если на улице был ад, то внутри контейнера – горнило той самой печки, что предназначалась для самых закоренелых грешников.

Появившийся мужчина, негро, моментально оценил ситуацию и крикнул вглубь контейнера:

– Тойя, принеси рубашки и шорты.

Девушка, соблазнительная мулатка-шоколадка, покачивая как верхним, так и нижним бюстом, вынесла грудку пестрой одежды.

– Мистер зайти внутрь? – по-английски спросил негр.

– О нет, – по-испански отказался Макеев. – Я внутри сварюсь.

Негр громко расхохотался, показав полный рот отличных белых зубов.

– Сеньор говорит по-испански! Отлично! Начнем с рубашки. Как вам такая?

В воздухе взлетело что-то голубовато-белое.

Макеев сбросил пропотевшую рубашку и облачился в тонкую прохладную ткань.

– Perfectamente! Беру.

– Muy bien. Теперь шорты. Смотрите, это настоящие американские шорты, – и негр ухватился за макеевскую ширинку.

Шокированный, Макеев не успел рта открыть, как негр стянул его брюки до колен и протянул шорты цвета хаки. Его улыбка была настолько дружелюбной, что Макеев, чертыхаясь, переоделся. Посмотрел на свои бледные волосатые ноги в длинных черных носках и вздохнул.

– Сеньор великолепно выглядит! – воскликнула шоколадка.

Макеев подозрительно покосился: издевается? Но в глазах девушки светилось только искреннее восхищение.

– Я все беру, а это, – он протянул негру вещи, – заверните в пакет.

Негр принял рубашку и брюки, с завистью поглядел на туфли и сказал:

– Я могу их купить. Дам хорошую цену.

– Отдай ему за просто так, – неожиданно сказал Исфандияр-ака, стоявший, как обычно, за левым плечом Макеева.

– С ума сошел? Ты знаешь, сколько стоят эти туфли?

– Сейчас они тебе не нужны, а потом ты сможешь купить еще. А он никогда не купит.

– Ну знаешь ли, – пробормотал Макеев, нагибаясь за туфлями.

– Сколько ты за них дашь? – спросил он у негра, выпрямляясь с туфлями в руках.

– Сто долларов!

На лице негра отобразился целый водопад чувств. Тут было и страстное желание получить туфли, и сознание того, что чудес не бывает.

– Даже сто пятьдесят, – добавил он упавшим голосом.

Макеев пренебрежительно хмыкнул, но Исфандияр-ака пихнул его в бок.

– Не жмотись.

– Тебе легко распоряжаться чужими вещами, – сварливо ответил Макеев.

Негр не сводил с него умоляющих, черных, как кофе, глаз, и Макеев внезапно растрогался.

– Ладно, амиго, бери все за сто пятьдесят. И туфли, и рубашку, и брюки. И пиджак нахрен забирай.

Силы небесные, что приключилось с негром! Лицо стало совсем пепельным, Макеев испугался, что его хватил удар. Однако негр очнулся и принялся споро записывать вещи в пакет, приговаривая:

– Мать божья! Святые угодники! Caramba! Кому рассказать, ведь не поверят же!

Исфандияр-ака стоял, сложив руки на животе, и благостно улыбался.

– Смотри, сколько счастья ты ему дал.

– Да ладно, амиго, перестань, – Макеев отпихнул негра, который попытался поцеловать его. – Носи на здоровье.

Негр прижал руки к груди, оскалился и закатил глаза от полноты чувств. Макеев чувствовал себя польщенным. Даже глаза зачесались.

И тут шоколадка потрепала его по плечу.

– Ола! Меня Тойя зовут. А тебя как зовут?

– Иван.

– Айвен, я тебе линда?

Макеев в недоумении нахмурился, потом сообразил: имелось в виду «lindo» – милая.

– Линда, конечно.

– Тогда поехали.

– Куда поехали?

– На касу. Я тебе линда, значит, мы можем фоги-фоги.

Макеев ошалел. Он никогда не думал, что цигель-цигель-ай-люли бывает в жизни.

– Не надо фоги-фоги, – осторожно ответил он.

– Так я тебе не линда? – Глаза шоколадки наполнились слезами.

– Линда, линда, – заторопился Макеев. – Это я... это... Короче, я импотент.

Девушка просияла улыбкой.

– О, я так делаю фоги-фоги, что ты не будешь импотенто. Макеев в замешательстве оглянулся на Исфандияр-ака.

– Нет, ты это видел?!

– Она же еще ребенок, – сказал старик, ласково улыбаясь.

– Хорош ребеночек! А я не педофил!

Макеев решительно отстранил гибкие руки, уже обвившие его плечо.

– Фоги-фоги потом. На вот тебе, – и он протянул девушке первую попавшуюся купюру.

Та взглянула, но в руки не взяла.

– За что?

– Купишь себе подарок. От меня. Потому что ты очень linda.

Только тогда шоколадка взяла купюру, повертела.

– Слишком много.

– Для такой линды, как ты, совсем немного, – молодецки сказал Макеев.

Шоколадка запечатлела на щеке Макеева такой смачный поцелуй, какого он не получал, наверное, никогда в жизни. Ну, может, только на втором курсе, когда их стройотряд строил Ангару-ГЭС.

Негр, успевший припрятать макеевские вещи, громко зааплодировал, и только парень-мулато, приведший Макеева, стоял грустный.

Макеев решил облагодетельствовать и его. Уж если становится Дед Морозом, то по-крупному.

– Чико, ты мне поможешь?

– С радостью, сеньор. Что делать?

Лицо парня выразило желание сделать абсолютно все, что придет в голову полоумному алеману.

– Мне надо добраться до Кайо Ларго. Надо арендовать машину?

– Но, сеньор, – улыбнулся парень. – Это остров. Можно арендовать яхту в Сьенфуэгосе.

– Долго плыть?

– Если без остановки, то сутки.

– А побыстрее?

– Самолет, сеньор. Тридцать минут.

– Подходит. Поможешь купить билет? За вознаграждение, конечно.

Парень ухмыльнулся.

– Си, сеньор.

Они проследовали обратно в здание аэропорта. В новых шортах, поло и легких эспадрильях Макеев чувствовал себя завзятым покорителем тропиков.

Провожатый подвел к кассе, закрытой плексигласовым листом с прорезанным крохотным окошечком и спиралью дырочек над ним. Макееву моментально припомнились железнодорожные кассы времен развитого социализма.

Парень что-то спросил у невидимого кассира и повернулся к Макееву.

– Билет стоит сто сорок куков, сеньор. Рейс через час.

– Fantastico.

Макеев отдал парню пачку денег. Тот честно отсчитал нужную сумму и придвинул остальные хозяину. Макеев ухмыльнулся и вернул чико пару купюр. Парень сверкнул зубами.

– Грасиас, сеньор. Регистрация вон там.

Регистрация на самолет напоминала военную переключку. Бородатый мужчина, вылитый молодой Кастро, зачитал список фамилий. Свою Макеев узнал только чудом. Затем бородач забрал билеты и выдал посадочные талоны, которые были выписаны вручную, точь-в-точь как квитанции из прачечной, которая стирала их шторы. Потом два десятка пассажиров, и Макеев среди них, побрели по полю к старому АН-26.

Когда Макеев оказался внутри салона, им вновь овладела паника. В АН-26, как во всяком грузопассажирском самолете, иллюминаторы отсутствовали. И если бы не стюардесса, упругая фемина системы мулато, полет на сто процентов превратился бы в боевой вылет.

Когда пилот закладывал очередной вираж, а сердца пассажиров подкатывали к самому горлу, фемина мило улыбалась, поводила плечами, и ее роскошная грудь красноречиво трепетала под тонкой блузкой. Если вираж был продолжительным, то фемина что-то говорила. И хоть гул турбин заглушал все звуки, исходящие из пухлых карамельных губ, пассажирам становилось спокойней.

В том числе, и Макееву. Однако что-то тянуло, как больной зуб. Он с надеждой взглянул на Исфандияр-ака, и тот, как всегда не подвел. Перегнулся через ручку кресла и успокаивающе похлопал Макеева по руке.

От этого простецкого движения Макеев взбодрился настолько, что решил дать знать о себе друзьям и близким.

«Написать смс Козихину? Нет, перебьется на изжоге. А вот жене надо».

Макеев набил на клавиатуре: «Я в Гаване по делам. Здесь очень жарко». Немного подумал и добавил: «Целую».

Затем решительно выключил телефон и засунул на самое дно портфеля. У него возникло ощущение, что все его долги и обязательства покрыты этой, в общем-то, незатейливой смс-кой.

И слава богу. Или по-местному: мать божья и карамба.

На Кайо Ларго Макеев познакомился с еще одной особенностью кубинского житья. Оказалось, здесь солнце не заходит медленно за горизонт, а просто выключается.

Когда Макеев и Исфандияр-ака выходили из самолета, было светло, а когда вышли за пределы аэропорта, наступила глубокая ночь.

– Однако! – проговорил Макеев, потирая от удовольствия руки. – Начнем приключения, а, Хоттабыч?

Исфандияр-ака благодушно кивнул. Макеев заметил: в Москве лицо старика постоянно хмурилось, здесь же глу-

бокие морщины разгладились, а мелкие собрались вокруг глаз лучами, наподобие тех, что рисуют дети вокруг солнца или древние ацтеки вокруг образа светлейшего Вицлипуцли.

Приключение явилось в виде донельзя кучерявого мужчины лет шестидесяти. Загорелый до черноты, но не мулато, в расстегнутой до пупа рубашке, обвислых джинсах и ярком шейном платке, он представлял собой весьма живописный тип, который, видимо, и вдохновлял старика Хэма.

– Сеньор ищет машину до отеля? – на сносном английском спросил живописный тип.

– Нет, я хотел бы, чтобы вы довезли меня до побережья. На пляж с песком.

– До какого именно места? – уточнил мужчина, несколько не удивившись просьбе иностранца.

– Все равно куда. Только что бы это было безлюдным местом.

– О кей. Семьдесят куков.

– Почему так дорого? – спросил Макеев из чисто академического интереса.

– Потому что в два конца, – невозмутимо объяснил тип.

– О кей, – в свою очередь сказал Макеев. – Пусть будет семьдесят.

Кучерявый протянул руку.

– Я Эстебан.

Эстебан вывел его из здания аэропорта, более похожего на небольшой сарай. У самых дверей, в луже желтого све-

та, стекавшего из единственного фонаря, стоял приземистый красный автомобиль. Марку Макеев определить не смог, но по острым, как плавники акулы, крыльям и сдвоенным фарам, предположил: модель года так 1958-го, если, вообще, не 1955-го.

– Неужели это корыто до сих пор ездит? – задал он риторический вопрос по-русски, и тут же перевел кучерявому другу:

– Сколько миль может проехать этот ветеран, не преславившись раньше времени?

– О, мистер, не волнуйтесь. Его купил мой отец за год до моего рождения, и ни одной проблемы. Надеюсь, проблем не будет, когда его унаследует мой внук. Разумеется, после моего сына. Отличный автомобиль.

– Что за марка?

– «Понтиак Бонневилль», – удивленно сказал Эстебан. – Мистер не узнал?

– Честно говоря, нет. У нас распространены другие марки.

– А мистер откуда?

– Из России.

– Из России? – обрадовался Эстебан. – Чудесная страна! У меня кузен учился в России. В Кишиневе. Только очень холодно. Но очень понравилось. Прошу мистера садиться.

Макеев влез в салон, с удовольствием вдохнул запах крепких сигар. Исфандияр-ака по своему обыкновению материализовался на заднем сиденье.

Кучерявый Эстебан вдавил педаль газа в пол, «пontiак» взвизгнул покрышками и рванул вперед.

Горячий ночной ветер дунул в лицо, и Макеев внезапно почувствовал, что он – это не он. Или не совсем он.

Это было трудно объяснить – даже самому себе, да Макеев и не пытался. Он мгновенно и безоговорочно принял новые ощущения. Тело действовало быстрее, чем мозг думал.

Так, правая рука сама выставила локоть за окно, а левая уперлась в бедро. Спина выпрямилась, и поза сделалась, как у одинокого рейнджера, вроде бы уставшего от забот, но в то же время полного сил для новых свершений.

А сердце Макеева словно погрузилось в прохладную, пузырящуюся, как в джакузи, воду. Изнутри приятно покалывали маленькие нежные иголки, тормозили воображение: смотри, смотри, сейчас начнется!

Если в аэропорту Гаваны Макеев скинул пятнадцать лет, то с потрепанным салоне – еще с десятка. Даже прошел висок, который болел несколько недель подряд.

С давно забытой гибкостью он обернулся и рассмеялся. Исфандияр-ака тоже изменился. Ветер раздувал седую бороду, глаза блестели, и Макеев готов был поклясться: старик улыбался во весь свой щербатый рот.

Эстебан покосился на внезапно развеселившегося пассажира, понимающе спросил:

– Удачный день?

– Да, неплохой.

– Мистеру точно не нужен отель? Я знаю несколько хороших.

– Точно не нужен. Вези на пляж.

– О кей, поедem на Плайя Бланка.

– Там красиво?

– О, – Эстебан закатил глаза, – ручаюсь, мистер не видел ничего подобного, – и резким движением перевел рукоятку переключения скоростей.

«Понтиак» мчался по – Макеев даже не был уверен, что по шоссе, потому что не видел никакой разметки, и их основательно подбрасывало на ухабах. Фары вырывали из темноты то пышные купы деревьев, чьи листья казались маслянисто-черными, то подсохшие саксаулы причудливых очертаний. Время от времени Макеев видел на асфальте, поперек движения, какие-то движущиеся точки.

– Крабы, – пояснил Эстебан.

– Что они делают?

Эстебан пожал плечами.

– Мигрируют, что же еще? – и достал сигару.

Макеев поморщился, представив смятку из глупых крабов, размазанных даже не по шоссе, а просто по дороге.

Однако печаль была мимолетной, слишком уж много впечатлений свалилось на голову Макеева.

Особенно – океан. Макеев еще не видел его, но уже ощущал присутствие – по неповторимому запаху, по особым вибрациям, которые издает огромная масса воды, перемеща-

ясь. Точно великан-астматик ворочается на песчаном ложе.

Эстебан лихо крутанул баранку влево, и «бонневилль» покатиł по мягкому. Фары высвечивали песок, искрящийся в электрическом свете.

– Это пляж? – спросил Макеев.

– Си, Плайя Бланка к вашим услугам.

– Отлично. Останови.

– Мистер, пляж шириной больше мили. Давайте подвезу поближе.

Однако в планы Макеева не входило въехать в океан на «понтиаке» модели 55-го года.

– Не надо, дойду сам.

– О кей, – пожал плечами Эстебан и заглушил мотор.

Макеев протянул купюру.

– Без сдачи.

Тот так же, как шоколадка, не взял деньги в руки и сказал:

– Сто больше, чем семьдесят.

– Это с чаевыми.

– О кей, – Эстебан засунул купюру в нагрудный карман.

Макеев вылез из салона.

Под ногами пружинил тот самый песок, который Макеев видел на рекламном плакате «Аэрофлота», и тот самый, который снился. Легкий, невесомый, искрящийся. Макеев даже притопнул от удовольствия.

Стоматолог Сева прав: надо жить в удовольствие и не искать проблем. А если стать совсем непредсказуемым, то есть

полностью свободным, то проблем вообще не будет. До последней мысли Макеев додумался самостоятельно и страшно тому обрадовался.

Эстебан тоже вылез и стоял по другую сторону машины.

– Мистер пойдет к воде?

Макеев счастливо кивнул.

– Сейчас не стоит плавать.

– Акулы? – Макеев уловил в своем голосе подростковый восторг.

– Нет, акулы вряд ли, здесь рифы. А вот ядовитые медузы и мурены – да. Мистер может пострадать.

– Я не буду плавать, – заверил Макеев.

– Зачем же вы сюда приехали?

– *Llegue a este lugar donde muere el viento*

A tocar la brisa y a oír el silencio.

Эстебан вопросительно приподнял одну бровь.

– Это песня, – пояснил Макеев.

Эстебан пожал плечами.

– Не слышал. Но все равно. Вон там, – он ткнул пальцем в темноту справа от себя, – каска моего друга. Всего две мили, или даже меньше. В любой момент приходите, о кей? Я буду там, а утром приеду за вами. О кей?

– О кей, – нетерпеливо подтвердил Макеев, которому уже надоел разговор. – Adios! – и устремился к черноте впереди.

Через пару шагов оглянулся. Эстебан все так же стоял около распахнутой дверцы автомобиля и смотрел вслед. Увидев,

что Макеев оглянулся, поднял руку и сжал кулак.

Макеев махнул раскрытой ладонью и потрусил дальше.

Путь оказался непростым. Макееву пришлось преодолевать дюны, нанесенные ветром. Он целеустремленно карабкался по ним, словно новорожденная черепашка, совершающая свое первое в жизни путешествие – от разбитого яйца к океану.

«От яйца – к океану, от яйца – к океану», – бормотал Макеев, отдуваясь.

«От яйца, от винта», – приговаривал он, попадая ногами в небольшие ямки.

«Кокееану, кокеану», – уверял он себя, втягивая ноздрями крепко соленый воздух.

Исфандияр-ака шел рядом ровной размеренной походкой. Привык, понимаешь ли, шастать по своей пустыне, талибан несчастный.

И вот – последняя дюна, взобравшись на которую, Макеев увидел, как чернота впереди распалась надвое. Снизу чернота жидко блестела и глянцево переливалась, а сверху была, как истлевший бархат, испещренный множеством дырочек, сквозь которые проглядывало нездешнее свечение.

Картина оказалась настолько грандиозной, что Макееву потребовалось время осознать: это океан и звездное небо над ним.

Макеев издал гортанный звук, впервые в жизни с таким воодушевлением и в такой тональности, и скачками бросил-

ся вперед.

Затормозил у самой линии прибоя.

Небольшие волны аккуратно утюжили песок перед его эспадрильями и не смели коснуться. Макеев сделал еще шаг, волна послушно и ласково лизнула его ногу.

Макеев расхохотался. Зашел в воду. Волны вились вокруг колен и вытягивали песок из-под подошв.

Макеев поднял руки, чтобы удержать равновесие, и только тут заметил: правой рукой он по-прежнему сжимает портфель, кожаный, с бронзовыми застёжками.

Макеев разозлился. Наконец-то он решил поставить на прежней жизни крест, для чего перенесся на другую сторону земного шара. Однако отсечь прошлое оказалось труднее, чем он думал. И все из-за дурацкого портфеля, который тянул воспаривший дух в привычный низ.

Макеев изо всех сил швырнул портфель на берег. Портфель шлепнулся на песок чуть выше уровня прибоя. А сам Макеев поскользнулся.

Тут же набежала волна, достаточно высокая, чтобы сбить с ног. На мгновение Макеев оказался под водой, но вынырнул.

Волна, уходя, попыталась и его взять с собой, однако Макеев засопровтивлялся. Он не хотел тонуть. Глупо тонуть в тот самый момент, когда наконец-то начинаешь все понимать.

Не без труда Макеев выбрался на берег, дополз до сухо-

го песка, перекатился на спину и посмотрел вверх. Над ним, точно мягкая завеса, висело небо, полное незнакомых созвездий.

Одна звезда на мгновение вспыхнула чуть ярче, вроде как подмигнула, и Макеев сказал ей:

– Всё. С этого момента все пойдет по-другому. Клянусь.

Когда лежать надоело, Макеев сел, подсунув под себя пресловутый портфель. Получилось удобно.

Глаза привыкли к темноте, и океан казался не просто большим черным местом, а широким живым полем, которое дышало, перекачивалось и время от времени вспыхивало светлыми пятнами.

Макеев принялся рассуждать:

– Интересно, откуда свет? Я понимаю, было бы на берегу – это отель светится или дом местного рыбака. Но в океане? Может, это вода фосфоресцирует? Хоттабыч, ты как думаешь?

Старик, по обыкновению, не ответил.

Макеев повернул голову влево и увидел, что Исфандияр-ака сидит, сложив ноги по-турецки, руки на коленях, а лицо истекает ярко-серебряным светом.

Макеев даже загляделся.

А потом его осенило. Никакая старик не галлюцинация!

– Я понял, я все понял! – возбужденно заговорил Макеев. – Ты – это я! Мы даже с тобой похожи!

Макеев почесал щеку, на которой пробивалась суточная

щетина, а Исфандияр-ака симметрично поднял свою руку и погладил длинную шелковистую бороду.

– Я же говорил! Ты – это я! Часть меня. Но почему я раздвоился?

Исфандияр-ака задумчиво поглядел в черноту, а Макеева осенило вторично.

– Потому что я отдал тебе все свои хорошие качества, вот почему.

Исфандияр-ака кивнул, подтверждая его правоту.

– А отдал я тебе их потому, что хотел сберечь. В том дерьме, в котором я живу круглосуточно, ничто хорошее уцелеть не может. Да что я тебе говорю? Ты и сам все это видел. Видел же?

Старик опять кивнул.

– Получается, что ты – мой золотой фонд. Хранилище. Только благодаря тебе я еще нормальный человек. Вот, например, те негры в аэропорту. Мне же взаправду было жалко этих гребаных ботинок. Хотя дома их целый шкаф. Реально вел себя, как жмот. Но мне было жалко только тогда, когда я – был я. А когда стал тобой, все вошло в норму.

Макеев похлопал по колену, отряхивая с шорт песок.

– И лепешки в машине ел я. Если б я такое домой принес, жена бы запилила: мол, и вредно, и жирно, и антисанитарно. Но как же это было вкусно!

Макеев смотрел в небо и испытывал громадное облегчение. Ему казалось, что наконец-то он все понял. Его ум был

острее меча и проникал во все сущее. Небо, как живое, смотрело на него множеством ярких глаз и тоже ликovalo. Сладкая радость, о которой он давно забыл, разлилась по всему телу.

Макеев перевел взгляд на Исфандияр-ака и залюбовался его – своим! – одухотворенным лицом, излучавшим лунный свет.

И вдруг, бац! Точно гирька на старых часах упала на пол. Макеев содрогнулся от новой, внезапной, мысли.

– Что же это получается? Если ты – все хорошее, что есть во мне, то значит, во мне нет ничего хорошего? Я, получается, пуст? Или, того хуже, набит всякой дрянью?

Он в панике оглянулся. Вправо и влево тянулся бесконечный черный берег. Кроме него, вокруг не было ни единой души.

Макеев заерзал, и что-то острое вонзилось ему в задницу. Опять портфель. Кожаный портфель с бронзовыми застежками. Вечный портфель.

Макеев пересек пол-мира в поисках свободы, но оказалось, что он, как каторжник, притащил на другой конец света свое собственное, персональное, ядро. Избавился от брюк и пиджака, но сохранил гребаный портфель. Пытался выбросить, но портфель вернулся.

Макеев зарычал от ярости. Выдернул его из-под себя, рванул крышку и выгреб кучу документов. Лихорадочно принялся разрывать все подряд – и договора, и платежки, и нота-

риально заверенные доверенности, и свою банковскую подпись.

Разрывал и бросал в волны, которые подпрыгивали перед ним, как собачонки в ожидании угощения, мгновенно подхватывали белые клочки и утаскивали на глубину.

Когда в океан улетел последний обрывок, Макеев утер со лба пот. Он чувствовал себя, как шахтер после смены. Правая ладонь, распоротая скрепкой, саднила. Макеев лизнул – кожа была соленой, не то от крови, не то от воды.

Неподалеку от берега, на линии прибоя, кувыркались клочки бумаги. С каждым накатом их становилось все меньше.

Макеев подумал, что когда они опустятся на дно, их будут жрать рыбы или моллюски. Возможно, животные будут удивляться непривычному вкусу, однако документы не причинят им того вреда, который испытывал Макеев, ежедневно таская их в портфеле. Портфель, кстати, тоже следовало бы утопить. Для верности.

Однако сил уже не осталось. Макеев упал ничком и уткнулся лицом в песок, источавший острый запах не то йода, не то чего-то похожего, аптечного.

Внезапно он почувствовал, как около виска образовалось какое-то движение. Макеев отпрянул.

Песок вспучивался, разрываемый кем-то изнутри. Потом кучка разом сплюснулась, и Макеев увидел маленького крабика, видимо, из тех удачливых мигрантов, которые уцеле-

ли, пересекая дорогу.

Малыш полз хоть и боком, но энергично. Шурх-шурх-шурх, и крабик уже миновал макеевское плечо.

Макеев с умилением наблюдал за игрушечным танчиком, оставлявшим после себя миниатюрную колею. Экий шустрячок! Молодец, так и надо – пробивать свою колею.

Макеев невольно шевельнул рукой, и движение оказалось фатальным. Хрупкий песок осыпался, погребая под собой краба.

А Макеев отчаянно испугался. Ведь он – как тот краб, увяз. Или нет! За последние тридцать лет проложил такую глубокую колею, что теперь невозможно из нее выбраться. Стенки слишком высоки, головой не пробьешь.

Макеев резко перекатился на спину.

Да, он освободился от бумаг, но что получил взамен? Пустоту.

Все хорошее отныне сосредотачивалось в Исфандияр-ака, а сам Макеев был пуст, как банка из-под пива, которое высосал великовозрастный балбес. Высосал и выбросил.

Так и Макеев – валяется на песке, одинокий, мокрый, опечаленный и злой.

Слева зашуршало, и Исфандияр-ака, как недавно в самолете, успокоительно похлопал Макеева по плечу.

– Не волнуйся. Сейчас ты вернешь себе то, что передал мне. Готов?

Макеев облизнул губы в ожидании чего-то значительного.

Возможно, даже какого-то взрыва или сотрясения.

Но все получилось до обидного просто.

Исфандияр-ака поднял руку, и Макеев сделал то же. Они хлопнули друг друга по ладоням, точно футболисты, празднующие удачную передачу.

Несколько секунд Макеев напряженно прислушивался к своим ощущениям. Несколько секунд ничего не происходило.

А потом внутри стало что-то расти. Раздуваться, заполняя Макеева восхитительным чувством полноты.

Полноты жизни, полноты ощущений.

Гирька на часах неуклонно поползла вверх.

Макеев похлопал себя по груди, бокам, ногам. Снаружи тело осталось прежним, а вот внутри...

Наверное, то, что испытывал Макеев, и было настоящим счастьем.

Макеев оборотил счастливое лицо к Исфандияр-ака и с удивлением заметил, что старик словно истаял. Фигура казалась сотканной из дыма, и кое-где через полосатый халат просвечивали черные волны с белой кружевной пеной.

– Хоттабыч, – обеспокоенно спросил Макеев, – а с тобой-то что?

Старик ласково погладил его по макушке, точно ребенка.

– Мое время истекло. Дальше ты сам.

– Один, без тебя? – испугался Макеев. – Ты меня бросаешь одного?

— Ну как же одного? — удивился Исфандияр. — У тебя внутри целый мир. Мир не может быть один. И вместе с тем — мир всегда один. Понимаешь?

— Понимаю, — поник Макеев, — это экзистенция такая.

— Типа того, — согласился старик. — Но мы не прощаемся, верно? Мало ли что будет впереди.

— Не прощаемся, — повеселел Макеев. — Спасибо тебе, Хоттабыч.

Старик подмигнул и, подобрав полы халата, двинулся к воде.

— Эй, ты куда? — изумился Макеев.

Исфандияр-ака показал жестом, что все нормально, и вступил на первую волну. Перешагнул с нее на вторую. Затем на третью.

Глядя на его прямую спину, Макеев подумал, что старик не так уж и стар.

Исфандияр-ака не бежал по воде, как Бегущая по волнам. Он шел спокойно и уверенно, как и следовало двигаться человеку пятидесяти трех лет от роду.

Когда полосатый халат затерялся среди глянцевого блеска океана, Макеев опять повалился на песок. Лег на живот, прижался щекой и принялся разглядывать песчинки.

Каждая из них увеличивалась на глазах, раздувалась до размера Вселенной, но мир Макеева все равно был больше, и втягивал песчаные Вселенные в собственную орбиту.

Все было так, как говорил Исфандияр-ака.

И пусть пребудет так вечно.

Макеев удовлетворенно вздохнул и закрыл глаза.

Когда утром Эстебан вернулся за своим пассажиром, пляж был девственно пуст. Пологие волны накатывались на идеально гладкий песок, и нигде не было ни единого человеческого следа.

Примечания переводчика

Llegue a este lugar donde muere el viento – Я пришла сюда, где умирают ветры,

A tocar la brisa y a oír el silencio. – Чтобы наслаждаться бризом и слушать тишину.

No eres mi puerto. – Ты не моя гавань.

Tu no eres mi puerto... – Ты не гавань для меня...

– I wish you a pleasant flight. – Желаю приятного полета.

– What the hell. – Какого черта.

My mojito en Bodegita, my daiquiri en Floridita – Мой мохито в моей Бодегите, мой дайкири в моей Флоридите. – Знаменитая фраза Хемингуэя, которая увековечила два известных заведения Гаваны и два популярных напитка на основе

рома.

Кук – кубинский доллар

– Perfectamente! – Прекрасно!

– Muy bien. – Очень хорошо

Фоги-фоги – заниматься любовью

Каса – частное жилье

Adios! – Пока!

Не остаться в этой траве

198* год

В вагоне Анциферов прикрывал разбитое лицо газетой. Специально купил «Советский спорт», хотя беготню за мячом или шайбой считал полным идиотизмом. Вроде прокаатило, никто не обратил внимания. Зато на выходе дежурная по эскалатору вылупилась так, словно живого Магомаева увидала. На щечке родинка, полумесяцем бровь.

Ну да, морду разбили капитально. За пятнадцать суток чуток поджило, но вид все равно ужасный. Полумесяцем, твою мать.

Анциферов осторожно коснулся ссадины на скуле. Менты позорные. Хорошо, глаз не выбили и руки на месте. Хотя при задержании так вывернули, что мама не горюй.

Анциферов толкнул тяжелую дубовую дверь, и Невский охватил его закатным солнцем и бензиновой духотой.

Два квартала – и он на Точке.

Анциферов отшвырнул маскировочную газету. Тут-то стрематься нечего, тут все свои. Вон какой-то полузнакомец машет ему рукой, какие-то девахи визжат: «Ой, Фрюс пришел!», и он приветствует всех – и парня в джинсе, и девиц, вспомнить бы еще как их зовут. Катя и Света? А, неважно. Главное, он опять на свободе.

Свобода! Поскорей забыть темно-синие масляные стены, сырость и запах рыбного супа.

Он вернулся.

Он вернулся домой.

В голове крутанулась музыкальная фраза. Анциферов прищурил глаз, припоминая. Ах, да, это из Майка. «Домой. Сладкое слово «домой».

Анциферов щелкнул пальцами, включая память, как торшер.

Домой.

Сладкое слово «домой».

Я возвращаюсь домой...

Я возвращаюсь домой...

Домой. Сладкое слово «домой».

Когда он подошел к «своей» скамейке, переживания последних двух недель испарились. Точно и не было ментовки, точно он и не расставался с призрачным светом белых ночей, с холодной колоннадой и зеленым куполом Казанского собора, с тяжелой водой Грибоедовского канала...

На скамейке, завалившись за спинку и запрокинув голову так, что было странно, как это шея еще не сломалась, лежал Григорий.

– Здорово!

Гриша приоткрыл один глаз.

– Хай.

Анциферов шлепнул по протянутой ладони.

Григорий сморщился:

– Фигли так сильно?

– Менты научили.

– Чего? – Григорий открыл второй глаз и внимательно изучил Фрюсово лицо. – Ну тебя и разукрасили. Где делают такой макияж?

– К счастью, не в Крестах. В «пятнашке».

Григорий выпрямился и с интересом спросил:

– И как ты туда попал?

– На концерте повязали. Всех наших, и Севу, и Лаптя, и Чугункова. Какая-то комса стукнула. Прикинь, ворвались на третьей композиции, а у меня там как раз офигительный запил идет... Такую песню испортили, суки! Короче, мордой вниз, гитару вдребезги, ногой по почкам и в ментовку.

– Мда, – сказал Григорий, возвращаясь в лежачее положение, – бывает.

– Ну ты и скот, Гриша. Мог бы посочувствовать.

Григорий хмыкнул.

– Удивил козла капустой. Что я, в ментовке что ль не был?

Анциферов не нашелся что ответить. Действительно, уж кого-кого, а Гришу винтили много раз.

В их компании он был самым старшим. Фрюс точно не знал, сколько ему, но за тридцатник было. Гриша, а на самом деле, Олег, кликуху «Гриша» он заработал за фамилию Мелехов, был старожилом Невского, топтал тротуар, когда Анциферов еще учился в школе.

Гриша-Олег неплохо играл на гитаре, еще лучше рисовал и, говорят, написал какой-то необыкновенно стремный роман, из-за которого и был исключен из универа. Короче, тертый чувак.

Анциферов опустился рядом на скамейку и так же запрокинул голову.

По небу неспешно плыли облака. Цвета менялись каждую секунду. Небо из бледно-голубого становилось зеленоватым, облака в середине густели, а по краям наливались красным золотом. Питерская фата-моргана.

Анциферов замурлыкал себе под нос:

– *There's a feeling I get when I look to the west, and my spirit is crying for leaving.*

Григорий шевельнулся. Фрюс, не обращая внимания, допел:

– *Ooh, it really makes me wonder.*

– Двоечник, – констатировал Григорий. – Не «уондэ», а «уандэ».

Анциферов смутился. Он всегда записывал слова русскими буквами и заучивал, как попугай. Блин, ну не давался ему английский! Что ж, удавиться теперь?

– Подумаешь, – пробурчал он, защищаясь. – «Уонде», «уанде» – какая разница?

– Большая. Не доучился ты в своем ПТУ. «Уонде» – это «бродить». Тебя с какого курса выперли?

– Ни с какого, я в академке. Но, наверное, сам уйду. Фигли

там время терять?

– Ну-ну, – Григорий опять закрыл глаза. – Молодой бунтарь, значит?

– Не бунтарь, но терпеть не собираюсь. Если мы будем молчать, как бараны, так баранами и помрем.

– Видать, мало тебе по морде надавали. Но ты не горюй, прозрение у тебя впереди. Откроешь истину.

– А сам-то?

– А сам я уже прозрел. Темпорис филиа веритас.

Латинской фразы Анциферов не понял, поэтому сменил тему.

– Слушай, а где все?

– Сейчас придут.

– Что, вообще, нового было, без меня?

– Все по-старому. Слоняемся. Кстати, тебя искал один клоун. Кликуха Хомяк вроде. Или хорек.

– Мишка Хомяков, – улыбнулся Фрюс. – А что ему надо?

– Не спросил, простите, ваше благородие, виноват.

– Ну ладно, объявится, сам объяснит, – примирительно заключил Анциферов.

Часы на башне мелодично пробили одиннадцать. Вода в канале отливала чернилами, а воздух сгустился и посветлел одновременно.

– *And she's buying a stairway to heaven*, – не удержавшись, допел Фрюс и покосился на Гришу. Тот молчал.

За пятнадцать суток отсидки Анциферов додумался до мысли, гениальной в своей простоте. Ситуация может поменяться в любой момент.

Собираясь в тот день на концерт, мог ли он думать, что выступление закончится побоищем? Три раза ха!

Играли в каком-то спортзале. Выгородили в углу закуток, на шведскую стенку укрепили прожектор, расставили аппаратуру.

Все концерты начинались одинаково: вырубался верхний свет и тут же врубался прожектор. Дымный луч метался по залу и выхватывал настороженные лица из толпы, справа, слева...

Стояла тишина, не мертвая, конечно, но по сравнению с тем, что происходило после... «О майн либер кот!», как любил выражаться Чугунков, их барабанщик.

Первым вступал он. Выдавал короткую дробь и завершал ее ударом по тарелке – бамс!

Потом раздавался слегка искаженный динамиком голос Севы:

– Раз... Два... Три... Па-аехали!

И они взрывались аккордами.

Блин, да ни с какого косяка нельзя было получить подобного упоения! Это был настоящий полет – вслед за риффом, как за ветром.

Момент, когда дружинники ворвались в зал, Фрюс пропустил – летел. Очнулся, когда вырвали гитару. Инстинктивно протянул руки, умоляя вернуть, не прерывать полет. И тут же устыдился самого себя. Секундное унижение обернулось ярко-красной яростью, и Анциферов с размаху ударил по лицу падлы-комсюка.

Ну, тут и понеслось...

Потом, когда сидели в отделении, Анциферов все время сплевывал кровь и пытался вытереть разбитое лицо полрой рубашки. Однако рубашка была концертная, шелковая, ни фиги не впитывала. Ходил разукрашенный, как индеец, пока мать не передала пакет с одеждой. В пакете были еще и пирожки с мясом, так они с Севой захомячили их в один момент.

Однако все течет, все изменяется. Еще утром он таскал на заводе тяжеленные ящики, а теперь вот сидит, смотрит на закат.

Немного клонило в сон, и скамейка казалась поплавком, качающимся на волнах белой ночи.

– Фрюс! – дружеский удар по плечу привел в чувство. – Проснись и пой!

Анциферов открыл глаза и увидел Мишку Хомяка с каким-то типом в черном. Малоподвижное лицо, узкие глаза. Кореец, что ли?

– С освобожденником! – Хом с чувством пожал протянутую руку.

– Что, уже все знают?

– А то! Прямо легенды про вас ходят, как вы дружинникам навешали.

– Ага, навешали, – Анциферов по привычке потрогал скулу и поморщился: болит, черт...

– А где ребята?

– Сева домой поехал, ему фейс еще больше попортили, похоже, швы накладывать придется. А где Чугуний и Лапоть – хз. Мы в разные отделения попали. Что за байда-то была?

– Байда была знатная, – сказал Хом, усаживаясь на скамейку. – Народу повязали – море! На следующий день в «Ленинградской правде» статья вышла. Мол, накрыли притон и пресекли оргию, которую устроила подпольная рок-группа. Так что гордись, в историю попал.

– Уж попал, так попал, – согласился Анциферов.

Тут Хом заметил, что его спутник все еще стоит и не отрываясь разглядывает Фрюса.

– Кстати! Забыл познакомить. Это Витя.

Парень в черном коротко кивнул.

– А это Фрюс, о котором я тебе говорил. Гитарист от бога. Анциферов и парень обменялись рукопожатиями.

– Понимаешь, какая тема... Вите нужен ритм-гитарист, у него группа забойная, а их чел выпал на время из процесса. Я сказал, что ты сможешь поиграть с ними какое-то время. Тем более, если, как ты говоришь, Сева тоже выпал.

Витя-кореец продолжал молчать и в упор разглядывать Анциферова.

– Ну, допустим, могу, – согласился Фрюс. – А что играете?

– Только свое, – наконец-то заговорил Витя. – Сначала мне тебя послушать надо. Завтра сможешь?

– Не вопрос.

– Приезжай в два, вот адрес.

– Заметано.

– Ну, я пошел. Пока.

– Странный какой-то парень, – сказал Анциферов, наблюдая за черной спиной, которая лавировала в толпе на Невском, густой даже в этот поздний час.

– Просто гений, – объяснил Мишка. – Еще гордиться будешь, что он тебя позвал играть.

– О гениальный! О талантливый! – подал голос Григорий.

Анциферов и Хомяков удивленно оглянулись.

Григорий, по-прежнему лежа и с закрытыми глазами, декламировал:

– Мне возгремит хвалу народ. И станет пить ликер гранатовый за мой ликующий восход.

– Гринь, ты чего? – спросил Фрюс.

– Я бы сейчас портвейну выпил, – исчерпывающе объяснил Мелехов и открыл глаза.

Ну, тут и понеслось...

Прослушивание Анциферов прошел.

Витя-кореец попросил его сыграть любую композицию, на свой вкус. Сомнений быть не могло. Фрюс задвинул свою любимую, из Марка Нопфлера. Забойная вещь и как раз для ритм-гитары.

Играл он хорошо. Два парня, которые присутствовали на прослушивании, оживились, и один стал выстукивать ритм на спинке стула.

Последний аккорд. Фрюс опустил гитару и вытер мокрый лоб, он всегда выкладывался на этой композиции на все сто.

Парень, стучавший ритм, даже поаплодировал. А Витя молчал, лицо его ничего не выражало, только нижняя губа слегка выпятилась.

Повисла пауза, во время которой Анциферов уже начал подыскивать слова поязвительней – на случай критики.

Однако, подумав, Витя сказал:

– Хорошо. Я тебя беру. Через час репетиция.

На следующий день Анциферову пришлось побегать. С утра пошел устраиваться на работу. Мать помогла, и Фрюса взяли ночным грузчиком на хлебзавод. Потом носил справку из отдела кадров в милицию и просидел там часа три.

Домой вернулся вечером. Лег на кушетку.

В окно виднелись край неба и здоровенный кусок соседнего дома. Дом был серым, мрачным, точь-в-точь как в ро-

манах Достоевского, а небо, как обычно в этот час, прозрачным и зеленовато-голубым.

Фрюс лежал и вспоминал аккорды. Играли ребята простенько, но песни!...

Он уже изрядно потерялся в музыкальной тусовке, много чего видел. Витины стихи были просты, но что-то в них было. Искренность, что ли?

*Ты выходишь на кухню,
Но вода здесь горька,
Ты не можешь здесь спать,
Ты не хочешь здесь жить.
И ритм, ритм!*

Фрюс начал выстукивать пальцами по спинке кушетки:

*Доброе утро, последний герой!
Ми минор, потом что, ре? Ага, так!
Доброе утро тебе и таким, как ты,
Доброе утро, последний герой.
Здравствуй, последний герой!
Отлично!
Ночь коротка, цель далека...*

Анциферов зря стремался – работа ночного грузчика оказалась гораздо менее напряжной, чем предполагал. К часу ночи приходила машина, и он вместе с напарником дядей

Вовой должен был загрузить ее поддонами с горячим, ночной выпечки, хлебом. Через полчаса приходили еще две машины, и процесс продолжался. Потом они уходили в каптерку. Там дядя Вова наливал «молодому», так он называл Фрюса, стакан портвейна. Закусывали свежим хлебушком, и дядя Вова ложился спать. В девять утра приезжали еще машины, и в двенадцать Анциферов был свободен, как вольный ветер.

Забирал причитающиеся ему две свежие булки и шел на репетицию. Ребята ржали и называли Фрюса хлебобобом.

В коллектив Фрюс вписался легко. О своем предшественнике знал только, что тот лежит на Пряжке, а с каким диагнозом – не вникал. Может, косил от армии, а может, и вправду лечился.

В больницу пришлось ходить – к Севе. Как оказалось, тому сломали нос, плюс было подозрение на сотрясение мозга, и несколько вечеров Фрюс провел у его койки. Сева, конечно, бодрился, но с забинтованным лицом получалось плохо, и Анциферов из кожи лез, чтобы развеселить друга.

Дни пролетели незаметно, и только через неделю Анциферов спохватился, что на точке он не был уже сто лет.

Подумано – сделано, и вот он уже выходит из метро в закатную духоту Невского.

Как водится, знакомые люди приветственно машут, а на скамейке в привычной позе возлежит Григорий.

В Питере могла меняться погода, могли перекрасить дом, возле которого они собирались, могли положить новый ас-

фальт, но фигура Григория на скамейке была незыблема. Как тяжелый купол Исакия, как сфинксы на набережной, как кони на мосту.

– Здорово!

– Хай. Тебя снова выпустили из кутузки?

Они обменялись рукопожатиями.

– Не поверишь, Гриша, но я работаю.

Григорий сделал большие глаза.

– Только не говори, что устроился токарем на Балтийский завод.

– Не-а, – ухмыльнулся Анциферов. – Я грузчик на хлебзаводе.

– Поближе к жратве, значит? Мудрое решение. И что тебя сподвигло на сей трудовой подвиг? Надеюсь, не комсомольская совесть?

– Да пришлось вот. Иначе с милицией были бы неприятности. Пригрозили тунеядство припаять.

– И ты поддался давлению?

– А что было делать?

– Понимаю. Свободная личность спасовала перед государственной машиной.

– Да ну тебя! Лучше скажи, почему опять никого нет?

– За бухлом пошли, должны уже вернуться. А вот они идут, наши гусары... И не пустые, – добавил Григорий, вглядываясь в толпу.

К скамейке подошли Лапоть, у которого на плече висе-

ла холщовая сумка с портретом Демиса Руссоса, и Чугунков со школьным портфелем. Обе емкости издавали многообещающий стеклянный звон.

– Она несла сумарь? – спросил Фрюс.

Лаптев тряхнул Руссосом и радостно сообщил:

– А в сумаре пузырь!

– А в пузыре бухло? – озабоченно поинтересовался Григорий. – Надеюсь, не «Агдам»?

– Не, «Ркацители», – успокоил Чугунков, и Григорий безглаголиво скривился.

– Гриша, в твоём возрасте нельзя быть таким привередливым. Хавай, что дают, – попенял Лапоть и вдруг громко, на всю площадь, завопил:

– Эй, пиплы! Кто хочет пить, пошли с нами!

– С ума двинул? – возмутился Григорий. – Сейчас халявы набежит пол-Питера, а нам самим мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.